

АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910 - 1914 гг.)

О.В. Ищенко

Статья посвящена рассмотрению академических и политических выступлений студенчества Западной Сибири в период нового революционного подъема (1910 – 1914 гг.) как составной части общественного движения в крае. В работе нашли свое отражение сюжеты, указывающие на связь протестных действий сибирской вузовской молодежи с общероссийским студенческим движением, в то же время показаны и проявления местной инициативы, зачастую имевшие партийно-политическую окраску.

Неудовлетворительное материальное положение значительной части студентов и учащихся, демократизация их социального состава, дискриминация в правовой сфере во многом определили активное участие молодежи в общественном движении в России в начале XX в. Особенно заметно это проявилось в годы первой российской революции и далее в годы нового революционного подъема, когда преобладающими формами движения студенческой и учащейся молодежи были политические забастовки, сходки, митинги, создание кружков и органов самоуправления, издание и распространение листовок, участие в деятельности партийно-политических организаций и др. В Западной Сибири именно студенчество во второй половине 1910 – начале 1911 гг. оказалось в роли своеобразного локомотива общественного движения. Развиваясь на академической почве, студенческое движение в конце 1910 – начале 1911 гг. растет количественно, постепенно приобретая политический характер. По имеющимся в нашем распоряжении данным, с октября 1910 г. по март 1911 г. в томских вузах состоялось не менее 17 сходок и 7 забастовок¹, причем своего пика студенческое движение достигло в январе 1911 г., когда вузовская молодежь

края включилась во Всероссийскую студенческую забастовку.

С началом учебного 1910/1911 года сходки студентов происходили на сугубо академической почве. Так, в начале октября 1910 г. в Томском технологическом институте состоялась малочисленная сходка студентов инженерно-строительного отделения (около 60 участников) по поводу бойкота преподавателя Кошурникова². В Томском университете на сходке 9 октября 1910 г. обсуждался вопрос о забастовке в случае отказа Совета профессоров возобновить сентябрьский экзаменационный срок³. Однако уже с середины октября характер студенческих выступлений начинает меняться. 20 октября 1910 г. студенты Томска не явились на лекции, почтив память товарищей, погибших во время черносотенного погрома в 1905 г.⁴ 24 октября 1910 г. в технологическом институте состоялась сходка по поводу кончины популярного в России политика – председателя первой Думы кадета С.А. Муромцева. На имя ректора Московского университета студентами была отправлена телеграмма соболезнования⁵. Смерть Муромцева также была отмечена во многих вузах Петербурга, Москвы и в Казанском университете⁶.

¹ Подсчет произведен по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ДП. 4 д-во. 1910. Д. 77. Ч. 5. Л. 24, 25, 49, 50, 52; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 201. Д. 215. Л. 83; Д. 312. Л. 16; Ф. 741. Оп. 3. Д. 325. Л. 22; Д. 353. Л. 44-47; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 28-30; Ф. 102. Оп. 1. Д. 630. Л. 64; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2597. Л. 76; Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 225, 226, 257, 259, 276; ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 20; Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 14. Л. 3-8.

² ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1910. Д. 77. Ч. 5. Л. 25.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Кравец Н.М. Участие демократической интеллигенции Сибири в освободительной борьбе в 1907-1914 гг. под влиянием революционных выступлений рабочего класса // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1987. С. 141.

⁵ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 325. Л. 22.

⁶ Завадский Н.Г. Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг. СПб., 1998. С. 121.

Заметное влияние на активизацию вузовской молодежи оказала смерть Л.Н. Толстого 7 ноября 1910 г. На сходках студентов Томского технологического института и Томского университета 7 и 8 ноября было вынесено решение в знак траура прекратить занятия на 3 дня. Группа студентов предприняла попытку организовать демонстрацию, но она была пресечена полицией. Забастовку в технологическом институте и университете поддержали слушательницы только что открывшихся Сибирских высших женских курсов и ученицы женской фельдшерской школы. В средних учебных заведениях города занятия не были прекращены, хотя, по сведениям полицейской агентуры, агитация там велась⁷.

Следует сказать, что 7 и 8 ноября 1910 г. стачки и демонстрации прошли по всей стране, явившись, по сути дела, первыми крупными выступлениями студенчества после поражения первой российской революции, носившими политический характер. Выступления томских студентов, связанные с чествованием памяти великого русского писателя Л.Н. Толстого, послужили толчком для дальнейшего развития движения вузовской молодежи. По сведениям, которыми располагало Министерство внутренних дел, в ноябре 1910 г. намечалась забастовка студентов нескольких курсов Томского университета на почве требования сохранения осеннего экзаменационного срока. По этому же поводу предполагали провести забастовку и студенты Томского технологического института⁸. Готовящиеся забастовки были направлены на решение академических вопросов, но, как отмечал начальник Томского губернского жандармского управления, «академические нужды»... объединили студенчество и наряду с академическими вопросами поднимались и политические⁹.

24 ноября 1910 г. на сходке студентов-технологов, собравшей около 800 человек, выдвигались не только академические требования, но звучали и призывы к борьбе с правительством. На сходке обсуждались учебные правила (в первую очередь – вопрос о минимуме зачетов, который студенты по-прежнему считали помехой на пути получения высшего образования, сознательно создаваемой правительством), осуждалась деятельность Министерства народного просвещения, а одним из выступавших студенче-

ские забастовки сравнивались с забастовочным движением рабочих¹⁰. В результате дискуссии на плебисцит было поставлено две резолюции: 1) прекратить занятия в институте до отмены минимума, 2) продолжить занятия и избрать исполнительный комитет в лице курсовых представителей, который должен урегулировать академические вопросы с Советом института. Проведенный 25 – 29 ноября 1910 г. плебисцит показал, что студенты в большинстве поддержали вторую резолюцию. Однако Совет технологического института не согласился с этим решением, напомнив студентам, что постановлением Министерства народного просвещения избрание курсовых старост не допускается¹¹. После решения Совета забастовка фактически стала неизбежной.

Уровень студенческого движения значительно повысился с созданием в конце 1910 г. в высших учебных заведениях страны коалиционных комитетов¹². В Томском технологическом институте на сходке 30 ноября 1910 г. был избран студенческий стачечный комитет, который приступил к работе с 3 декабря 1910 г. Стачечный комитет имел связи со студенческими организациями С.-Петербурга, информировал вузовскую молодежь о событиях вне Томска и, «выпуская прокламации, стремился привлечь на свою сторону население города»¹³. В состав стачечного комитета технологического института вошли социал-демократы, эсеры, беспартийные и анархисты. Преобладание в составе стачечного комитета представителей социалистических партий, с одной стороны, было показателем значительного «полевения» томского студенчества. С другой, вхождение в состав стачкома представителей различных политических течений способствовало консолидации местной вузовской молодежи.

На сходках 30 ноября и 3 декабря 1910 г. в технологическом институте, как и ранее, поднимались не только академические во-

⁷ ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1910. Д. 77. Ч. 5. Л. 36-37.

⁸ Там же. Д. 200. Л. 11.

⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 29.

¹⁰ Толочко А.П. Борьба большевиков в Сибири за вовлечение в революционное движение студенческой и учащейся молодежи (1907-1914 гг.) // Борьба большевиков Сибири за массы в период первой русской революции и нового революционного подъема. Омск, 1984. С. 73; ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 28.

¹¹ ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1910. Д. 77. Ч. 5. Л. 50; РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 353. Л. 45; Сибирская жизнь. 1910. 26 нояб.; 30 нояб.

¹² Завадский Н.Г. Указ. соч. С. 122.

¹³ Корнякова А.В. Руководство томских социал-демократов студенческим движением в период реакции (1907-1910 гг.) // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1980. С. 150.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910 - 1914 гг.)

просы (например, об отмене учебного минимума), но и политические – в знак протеста против избития заключенных в каторжной Зерентуйской тюрьме было пропето несколько революционных песен. На сходке 30 ноября 1910 г. председательствовал студент-эсер И. Протасов¹⁴. В связи с отказом Совета института пойти на уступки по вопросам организации учебной жизни, на сходке студентов 3 декабря 1910 г. на обсуждение была вынесена резолюция о забастовке. В политическом обзоре томского губернатора по этому поводу отмечалось: «Сходка произвела на большинство участников ее... весьма сильное впечатление, и к ним, по словам многих, снова возвратилась вера в лучшее будущее, которое было отодвинуто далеко реакцией»¹⁵. Для предотвращения «беспорядков» Совет института постановил закрыть институт до 10 декабря 1910 г.

Протестные действия томских студентов в конце 1910 г. проявлялись в различных формах. Так, вольнослушательницы Томского университета рассылали в другие города воззвания с призывом объединиться для решения конкретных академических вопросов. Ими ставился вопрос о съезде¹⁶. 75 выпускников медицинского факультета Томского университета подписали резолюцию, где обещали бороться против смертной казни и не присутствовать при ее исполнении. 11 декабря 1910 г. эта резолюция была прочитана членам испытательной комиссии с просьбой переслать ее в Пироговское общество врачей. В ответ министр народного просвещения распорядился задержать выдачу дипломов до письменного признания молодыми врачами «неуместности демонстрации против смертной казни»¹⁷. Студенты Томского технологического института в знак протеста против постановлений Совета института бойкотировали торжества по случаю 10-летия открытия этого учебного заведения¹⁸.

В начале декабря 1910 г. студенческие волнения охватили практически все вузовские центры страны. 6–7 декабря во многих высших учебных заведениях прошли сходки,

которые в ряде мест были прерваны только после вмешательства полиции. Министром внутренних дел и Советом министров 7 и 10 декабря 1910 г. были изданы распоряжения о запрещении всех студенческих собраний, на которых осуждались действия правительства; немедленном исключении и аресте зачинщиков беспорядков и высылке из вузовских городов студентов – активистов. Постановления властей фактически означали возврат царизма к взгляду на студента как «отдельного посетителя» высшего учебного заведения, лишеного права на осуществление всех видов корпоративной деятельности. Всячески поощрялись лишь студенческие организации черносотенного толка. Постановления еще больше подстегнули и без того активное студенческое движение¹⁹. Против забастовок выступили только студенческие проправительственные академические группы, сформировавшиеся во многих учебных заведениях еще в период революции 1905 – 1907 гг. и студенческих волнений 1908 г.

В декабре 1910 г. группа «боевых академистов» во главе со студентом Голубовым и сыном жандармского полковника студентом Деболи была образована и в Томском технологическом институте. Она была создана на базе так называемого «четвертого кружка самообразования»²⁰. Академисты, действуя под лозунгом «Школа только для науки», осудили забастовку в институте. Руководство кружка обратилось к директору института за разрешением устраивать собственные сходки для противодействия забастовщикам²¹. Академисты приняли решение сдавать экзамены, что вызвало недовольство остальных студентов, поскольку противоречило принятым ранее резолюциям.

10 декабря 1910 г., в день начала экзаменов, студенты-технологи собрались на сходку, на которой было решено прекратить занятия до 10 января 1911 г. Студентами была принята резолюция с требованием амнистии для политических заключенных, политических свобод и др.²² Помимо этого, присутствующие на сходке выразили протест «против провокаций в Одессе, Москве, С.-Петербурге» и порицание Совету профессо-

¹⁴ Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института Императора Николая II на поприще «освободительного движения»: 1901-1911 гг. Томск, 1911. С. 56; ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 29.

¹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 29.

¹⁶ ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1910. Д. 77. Ч. 5. Л. 68.

¹⁷ Корнякова А.В. Указ. соч. С. 149; Сибирские вопросы. 1911. № 1. С. 19-21; Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 319. Л. 69.

¹⁸ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 353. Л. 45.

¹⁹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 253.

²⁰ Корнякова А.В. Указ. соч. С. 151.

²¹ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 353. Л. 45.

²² Родной край. (Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области). Томск, 1974. С. 154.

ров, «взявшему на себя роль полиции»²³. Сходка закончилась пением «Марсельезы». После ее проведения в вузе было распространено воззвание: «Товарищи! Не экзаменуйте! Будьте солидарны с большинством! Не вынуждайте срывания экзаменов!»²⁴ Воззвание было явно направлено против академистов.

После сходки 10 декабря 1910 г. местные власти приняли предупредительные меры для пресечения студенческих выступлений. В ночь на 12 декабря 1910 г. полицией был арестован ряд студентов Томского технологического института, в том числе и 12 членов исполнительного стачечного комитета²⁵. В ответ на эти действия властей в институте было вывешено объявление Исполнительного комитета и воззвание к студентам, в которых сообщалось об аресте 35 человек, осуждались позиция Совета профессоров и политика Министерства народного просвещения. В воззвании содержался призыв к студентам «не отступать от решений последней сходки» и отстаивать арестованных товарищей²⁶.

Наибольшего размаха выступления вузовской молодежи достигли в начале 1911 г., что нашло выражение в организации и проведении Всероссийской студенческой забастовки. Участие в ней приняли и томские студенты. В начале января 1911 г. в Томск из Петербурга и Одессы прибыли делегаты – студенты для ведения переговоров с курсовыми старостами о поддержке готовящейся общестуденческой забастовки, назначенной на 20 января²⁷. Томские студенты выразили солидарность с товарищами в этом вопросе. 10 января 1911 г. в Томском технологическом институте было выпущено гектографированное воззвание от имени объединенных инициативных групп, в котором, в частности, говорилось: «Борьба продолжается, но она приобретает иной характер. События в Одессе, волны репрессий, прокатившиеся по всем высшим учебным заведениям, десятки уволенных – все это делает неизбежным всероссийское выступление студенчества и этим самым решительным образом меняет нашу чисто местную борьбу за наши местные интересы. Мы должны выступить как один из отрядов огромной армии студенчества. Мы

должны координировать наши действия с выступлением всего студенчества»²⁸. Текст данного воззвания отчетливо свидетельствовал о возросшем уровне организации студенческого движения в Томске, понимании его участниками значения массовых студенческих выступлений в борьбе за свои права.

Сведения о готовящейся забастовке имелись и в Министерстве внутренних дел. 11 января 1911 г. в Томск поступила телеграмма за подписью П.А. Столыпина с сообщением о возможности возникновения «крупных студенческих беспорядков» 20 января и требованием «принять меры» к их предотвращению²⁹. В этот же день Совет министров «временно» запретил собрания в вузах и потребовал от местных властей высылки студентов – активистов. Эти действия по замыслу правительства должны были содействовать успокоению студентов, но их результат оказался иным – общероссийская студенческая забастовка фактически стала неизбежной.

14 января 1911 г. на сходке студентов Петербургского университета было распространено воззвание «К студентам» с призывом защищать университетскую автономию. Общегородской коалиционный комитет в это же время принял резолюцию, в которой указывалось: «Протестуя против ликвидации автономии высших учебных заведений, против исключений, арестов и высылки, мы выступаем против всей политики правительства и объявляем демонстративную забастовку на семестр»³⁰. Преобладание в составе Коалиционного комитета студентов Петербурга представителей левых партий (из 31 его члена 17 человек были социал-демократами, 9 эсерами и 4 кадетами³¹) в конечном итоге определило как общую направленность борьбы – против всей политики правительства, так и конкретную форму этой борьбы – забастовку. Резолюция столичного коалиционного комитета была поддержана студентами большинства вузов страны, что означало начало Всероссийской студенческой забастовки.

17 января 1911 г. на сходке в Томском технологическом институте, собравшей около 500 человек, решено было прекратить занятия до 1 сентября 1911 г. в знак протеста против усиления реакции, политики правительства и вмешательства полиции в студен-

²³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 29.

²⁴ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 140.

²⁵ ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1910. Д. 77. Ч. 5. Л. 53.

²⁶ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 122-124.

²⁷ Родной край. С. 154; ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1911. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 10.

²⁸ Там же. Оп. 77. Д. 402. Л. 29.

²⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1295. Л. 11.

³⁰ Завадский Н.Г. Указ. соч. С. 123.

³¹ Там же.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910 - 1914 гг.)

ческую жизнь³². Тем самым, по замечанию начальника Томского губернского жандармского управления, студенчество Томска «засвидетельствовало, что и оно приобщилось к Всероссийской студенческой забастовке»³³. В ряду других требований студентов-технологов были, в частности, такие как отмена полицейского надзора за вузами и амнистия политическим заключенным³⁴. Местные власти попытались сразу же пресечь выступления вузовской молодежи. Во время проведения сходки в институт была введена полиция, которая переписала 375 ее участников. 373 из них были немедленно исключены из учебного заведения. Кроме того, в ночь на 18 января 1911 г. 41 студент был арестован. По требованию полиции в здании института расположился взвод пехотного полка³⁵. События в Томске получили широкий общественный резонанс и вызвали проявления солидарности со студентами со стороны демократических слоев населения. Представители правоохранительных органов прямо обвиняли преподавательский состав вуза в поддержке забастовщиков. Так, начальник Томского губернского жандармского управления сообщал попечителю Л.И. Лаврентьеву, что он располагает сведениями, согласно которым преподаватели, лаборанты и руководители графических работ в технологическом институте не только сочувственно отнеслись к студенческой забастовке, но и решили сами активно или пассивно бастовать до выполнения студенческих требований³⁶.

В свою очередь, сибирская печать, характеризуя причины забастовки в Томском технологическом институте, прежде всего обращала внимание на их внешний характер. «В основе беспорядков, - писала газета «Омский вестник», - лежат общестуденческие мотивы – поддержка и выражение солидарного сочувствия российским университетам, где уже выкинут флаг протеста административным мероприятиям, нарушившим правильное течение академической жизни»³⁷. Консолидация действий вузовской молодежи страны проявилась и в призыве столичных студентов поддержать томских товарищей³⁸.

В конце января 1911 г. стачечный комитет был образован в Томском университете.

В его состав вошли представители различных политических течений среди студентов. 31 января 1911 г. стачечный комитет призвал студентов прекратить занятия с 1 февраля. В воззвании, выпущенном по этому поводу, выдвигались требования восстановления университетской автономии и возвращения уволенных товарищей, однако в отличие от технологического института, открытые призывы политического характера в стенах университета не звучали³⁹.

31 января 1911 г. в Томском университете состоялось голосование студентов по вопросу о забастовке с 1 февраля до 1 сентября 1911 г. На медицинском факультете резолюция о забастовке была принята большинством голосов. На юридическом факультете голосовали только студенты 1 и 3 курсов, которые единогласно приняли решение бастовать⁴⁰. По данным стачечного комитета в голосовании на этих двух факультетах участвовало всего 345 студентов (при общем количестве обучающихся в университете более 1000 человек), из них 277 высказались за забастовку⁴¹. Таким образом, забастовку в университете поддержала только часть студентов, и хотя она была объявлена, значительное количество студентов продолжало заниматься.

Начавшаяся забастовка показала, с одной стороны, усилившуюся тенденцию к объединению в среде вузовской молодежи. Так, стачечные комитеты Томского университета и Томского технологического института проводили совместные действия и выпускали воззвания за подписью «Стачечные комитеты университета и института», распространявшиеся в зданиях обоих вузов⁴². Но, с другой стороны, объявленная забастовка усилила политическое размежевание среди студентов, способствовала выделению в нем нескольких течений, прямо или косвенно разделявших программные установки определенных политических партий.

В начале 1911 г. в Томске окончательно организационно оформилась антизабастовочная группа черносотенного толка – так называемая «академическая корпорация». Официально академические корпорации считались внепартийными объединениями, но реально находились под покровительством черносотенных организаций, таких как Союз русского народа и Русский народный союз имени Михаила Архангела. В Томске подоб-

³² Родной край. С. 154.

³³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 28.

³⁴ Толочко А.П. Указ. соч. С. 74.

³⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 30.

³⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2513. Л. 97.

³⁷ Омский вестник. 1911. 22 янв.

³⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 38. Л. 164-165.

³⁹ Толочко А.П. Указ. соч. С. 74.

⁴⁰ Сибирская жизнь. 1911. 1 февр.

⁴¹ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 20.

⁴² Там же. Л. 52-53; ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 30.

ная корпорация была создана в технологическом институте, а в начале февраля ее устав был утвержден губернским правлением⁴³. В состав группы первоначально входило 49 человек, председателем был избран студент П. Сабунин. В ответ на действия стачечного комитета представители корпорации вывесили объявление, в котором сообщали, что они не подчиняются решению о прекращении занятий и приступают к экзаменам⁴⁴.

С момента своего создания академическая корпорация в Томске пользовалась поддержкой как местных властей, так и Министерства народного просвещения, которое выразило уверенность в том, что она «вскоре привлечет к себе широкие симпатии той части студенчества, которая стремится в школу не для политики, а для приобретения знаний»⁴⁵. Но деятельность академической корпорации в Томске получила положительную оценку только со стороны властей. Отношение к ней профессоров и студентов технологического института было крайне негативным. Совет профессоров отказал корпорации в праве «ходатайствовать о некоторых изменениях академической жизни в институте», заявив, что корпорация является «посторонней организацией», так как утверждена не руководством вуза, а губернской администрацией⁴⁶. «Профессура института..., - писал один из членов корпорации, - считает позором, что в стенах института появились академики»⁴⁷. Подобное отношение к академистам во многом объяснялось нежеланием кадетствующей профессуры сотрудничать с черносотенными организациями. Студенты же прямо обвиняли членов академической корпорации в провокациях. Например, студент Н. Зудов публично заявил, что академическая корпорация – это «собрание черносотенцев и провокаторов, получающих жалование от купца Малышева (одного из лидеров Томского отдела Союза русского народа. – О.И.)»⁴⁸. В листовке, выпущенной «Группой левых беспартийных» по поводу исключения из технологического института 373 человек за сходку 17 января, указывалось: «Группа 4-го кр/ужка/с/амообразования/ взяла на себя грязную роль, роль полицменов и шпииков – указать

тех, кто голосовал за резолюцию 17 января»⁴⁹. Участник событий студент-технолог К.И. Джапаридзе впоследствии вспоминал: «Изо дня в день, благодаря неопытности и доверчивости студентов и тщательной бдительности академистов, из нашей среды вырывались охранкой лучшие работники. Озлобление против академистов достигло огромных размеров, иногда это выливалось в самые нежелательные эксцессы вплоть до рукоприкладства»⁵⁰.

Академическая корпорация представляла собой правый фланг студенческого движения. Но наряду с академистами среди томских студентов выделилась и другая группа противников вовлечения политики в высшую школу, которая разделяла либеральные лозунги и призывала ограничиться чисто академической борьбой. Организационного оформления эта группа не получила. Она выражала скорее настроения части вузовской молодежи. Примером ее деятельности может служить появление в январе 1911 г. в Томском технологическом институте воззваний за подписью «беспартийных», в которых студенты призывались приступить к занятиям, и перечислялся ряд «пожеланий» академического толка, адресованных Совету профессоров⁵¹. В этом же ряду стояла и резолюция группы националистов. В ней указывалось, что крестьянство и рабочие ведут упорную экономическую борьбу, поэтому студенты тоже должны действовать в этом направлении, а не увлекаться политикой. По мнению группы, «забастовка студентов Томского технологического института сначала выгодно отличалась от забастовок в других городах своей продуманностью и разумностью требований», но «теперь, благодаря тактике Совета профессоров и циркулярам Совета министров приобрела политический, а поэтому нежелательный характер»⁵². В своей тактике и требованиях группа националистов присоединялась к группе «беспартийных». Представители данного течения признавали только легальные формы протеста. Например, 22 февраля 1911 г. в адрес Московского университета была послана телеграмма от имени четвертого курса медицинского факультета Томского университета с приветствием преподавателям, подавшим в отставку в знак протеста против наступления правительства на авто-

⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71.

⁴⁴ Вестник студенческой жизни. 1911. № 6-7. С. 28; Сибирская жизнь. 1911. 19 янв.

⁴⁵ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 6.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2588. Л. 78.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 16.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 73-74.

⁴⁹ Путь борьбы. Вып. 1. Томск, 1923. С. 13.

⁵⁰ Джапаридзе К.И. Из революционного прошлого томского студенчества // Путь борьбы. Томск, 1923. С. 57.

⁵¹ Омский телеграф. 1911. 26 янв.

⁵² Там же.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910 - 1914 гг.)

номию высшей школы. Преподавателям выражалось сочувствие как «первым пострадавшим из профессорской среды при действительном проведении в жизнь начал автономии»⁵³. Следует отметить, что в данном случае студенты действовали в одном русле с профессорами и преподавателями Томского технологического института, которые также отправили телеграмму в Московский университет на имя бывшего ректора А.А. Мануйлова с благодарностью за отстаивание автономии высшей школы⁵⁴.

Наличие среди томских студентов противников забастовки привело к тому, что занятия в местных вузах практически не прерывались, хотя и шли «при малом количестве студентов», а остальные шумом мешали их проведению⁵⁵. В условиях невозможности добиться выполнения решений о забастовке, принятых на сходах в Томском технологическом институте и Томском университете, среди ряда членов стачечных комитетов вузов и определенной части студенчества усилились проявления мелкобуржуазного радикализма. Так, 21 января 1911 г. директором технологического института было получено письмо за подписью «Лига черного креста», в котором ему предлагалось «подать в отставку из нашего института, в противном случае Вы будете убиты»⁵⁶. Возможно, письмо являлось делом рук зарождавшейся группы анархистов, на попытку создания которой указывает исследователь А.А. Штырбул. В феврале 1911 г. прокламации от имени студенческой анархической организации, призывавшие студентов не посещать занятия, распространялись в Томском университете⁵⁷. Призывы «энергично срывать занятия» содержались и в воззваниях стачечных комитетов обоих вузов. Следуя им, часть студентов пыталась помешать чтению лекций шумом, криками и освистыванием занимавшихся⁵⁸. Для предотвращения беспорядков Советы университета и технологического института приняли решение разрешить вход студентов в учебные здания только по входным билетам, а Совет университета, кроме того, постановил в случае необходимости ввести в университет полицию. Несколько

членов стачечного комитета были арестованы⁵⁹.

С февраля 1911 г. число студентов, посещающих лекции и сдающих экзамены в университете и технологическом институте, стало постепенно увеличиваться. Наметившийся спад студенческого движения заставил сторонников радикальных методов борьбы перейти к тактике запугивания и угроз, что нашло свое проявление и в деятельности стачечных комитетов. Так, стачечный комитет технологического института выпустил прокламацию, где заявил, что в случае продолжения занятий он «оставляет за собой свободу действий»⁶⁰. В воззваниях стачечного комитета университета также утверждалось, что комитет примет все меры к проведению забастовки, не считаясь ни с какими голосованиями по курсам и выступлениями отдельных групп. В факультетских клиниках университета были разбросаны листовки, где от имени коалиционного совета студенты предупреждались о химической обструкции в случае продолжения занятий⁶¹.

Невозможность повлиять на противников забастовки иными средствами привела к тому, что 7 февраля 1911 г. в здании университета были разбиты склянки с сильно пахнущей жидкостью. 21 февраля 1911 г. химическая обструкция была проведена одновременно в зданиях университета и технологического института, причем в них начался пожар, в результате которого здание технологического института значительно пострадало⁶². Подобные действия наносили вред самому студенческому движению, поскольку дискредитировали его в глазах общественности, объективно снижали степень влияния левых партий и способствовали усилению позиций академистов в среде вузовской молодежи.

Подавляющее большинство томских студентов отнеслось к обструкции резко отрицательно. В университете сразу же был переизбран стачечный комитет, который призвал студентов приступить к занятиям, мотивируя это тем, что забастовка уже сорвана, и общество не поддерживает студентов⁶³. В материалах Департамента полиции по этому поводу отмечалось: «Агентурным путем и влиянием на стачечный комитет «генералов»

⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 171.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2588. Л. 118.

⁵⁵ Сибирская жизнь. 1911. 21 янв.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 101.

⁵⁷ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 52-53.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 510. Л. 19.

⁵⁹ Томский университет. С. 86; Сибирская жизнь. 1911. 25 янв.; 4 февр.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 20.

⁶¹ Там же. Л. 21; Сибирская жизнь. 1911. 9 февр.

⁶² Сибирская жизнь. 8 февр., 22 февр.; ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 18-19.

⁶³ Сибирская жизнь. 1911. 22 февр.

Томской организации партии С.Р., считающихся с отрицательным мнением общества по этому случаю... удалось повлиять на прекращение забастовки в университете»⁶⁴. 7 марта 1911 г. стачечный комитет выпустил бюллетень, где объявлял о завершении забастовки, называя главными причинами этого малодушие студентов, разброд в их среде, недостаточную поддержку действий стачкома со стороны вузовской молодежи. Здесь же было заявлено и о прекращении деятельности стачкома⁶⁵.

Стачечный комитет Томского технологического института, в свою очередь, попытался не допустить срыва стачки и немедленно заявил, что никакого отношения к пожару 21 февраля он не имеет⁶⁶. После прекращения забастовки в университете, в технологическом институте были выпущены воззвания, в которых поведение студентов университета называлось «позорным», а студенты-технологи призывались к продолжению стачки⁶⁷. Но несмотря на призыв число студентов, посещавших занятия в институте, увеличивалось изо дня в день. В это же время спад студенческого движения отчетливо проявился и в центральной части страны. К середине марта 1911 г. в большинстве высших учебных заведений Европейской России занятия были возобновлены. В этих условиях 31 марта 1911 г. стачечный комитет Томского технологического института четырьмя голосами против двух также вынес решение о завершении забастовки⁶⁸. По мнению начальника Томского охранного отделения, решающую роль в принятии этого постановления сыграл видный эсер, член Сибирского областного комитета ПСР, студент – технолог А. Дистлер, который «хоть и не был членом стачечного комитета, говорил на собрании о прекращении забастовки», мотивируя это отсутствием поддержки стачкома со стороны общества и студенчества после неумелой обструкции⁶⁹.

Весьма интересны те соображения, которые были высказаны стачечным комитетом технологического института по поводу принятия решения о прекращении забастовки: «Двумя моментами определяется ценность и значение студенческого движения: 1) его общественно-политическим характером, тем, что

в условиях русской действительности оно является огромным фактором общественно-политической жизни. Это его значение не столько заключается в нем самом, сколько в сочувствии и поддержке со стороны общества...; 2) тем, что своей единодушной борьбой, той поддержкой, которую эта борьба вызывает со стороны общества ... студенчество сможет заставить правительство пойти на уступки». При этом стачком заявлял, что поскольку ныне значение студенческого движения в общественно-политической жизни ничтожно, а «о практических результатах его в настоящий момент упадка и почти равнодушия общества нечего и думать», главной задачей момента должно стать отступление и подготовка к новой борьбе. Для этого он предлагал созвать общестуденческий съезд и заняться «подготовкой организованных сил и средств по отдельным учебным заведениям»⁷⁰.

Таким образом, к началу апреля 1911 г. забастовочные действия в томских вузах, как и в других высших учебных заведениях России, были прекращены. Всероссийская студенческая забастовка не привела к выполнению главных требований вузовской молодежи, а на ее участников обрушились репрессии со стороны властей и учебного начальства. Всего по стране за участие в волнениях конца 1910 – начала 1911 гг. из высших учебных заведений страны было исключено около 6 тыс. студентов и курсисток, в том числе из сибирских вузов – 443⁷¹.

После завершения Всероссийской студенческой забастовки и в студенческом движении в Западной Сибири в начале 1911 г. становится заметен определенный спад. Как иронично отмечал журнал «Вестник студенчества»: «С 1911 г. стрелка университетского барометра резко уклонилась вправо и замерла под знаком «Великая сушь»⁷². Тем не менее, и в этот период в среде воспитанников высших учебных заведений сохранились многочисленные проявления протеста в активных формах. Например, в память жертв черносотенного погрома в Томске в 1905 г. большая часть местных студентов и курсисток 20 октября 1911 г. не вышли на занятия, проводя тем самым традиционную забастовку. 20

⁶⁴ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1911. Д. 59. Ч. 81. Лит. А. Л. 41.

⁶⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 80. Л. 99.

⁶⁶ Сибирская жизнь. 1911. 24 февр.

⁶⁷ Омский телеграф. 1911 15 марта.

⁶⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 32; Сибирская жизнь. 1911. 1 апр.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1911. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 17-19.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 32-33.

⁷¹ Кравец Н.М. Участие демократической интеллигенции Сибири в освободительной борьбе в 1910-1914 гг. под влиянием революционных выступлений рабочего класса // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1987. С. 141.

⁷² Вестник студенчества. 1917. № 5. С. 6.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910 - 1914 гг.)

октября 1912 г. в Томском университете по этой же причине не состоялась часть лекций⁷³.

После событий конца 1910 – начала 1911 гг. новый подъем студенческого движения наметился в феврале – марте 1913 г. Поводом для активизации действий послужило закрытие властями Военно-медицинской академии в Петербурге, что вызвало проявления солидарности со слушателями академии в большинстве вузовских центров страны. Свой протест против закрытия академии выразило и томское студенчество. 16 и 18 марта 1913 г. в зданиях университета, технологического института и студенческой столовой распространялись воззвания с призывом к однодневной забастовке в связи с закрытием академии. В них, в частности, отмечалось: «Считая, что в создавшемся тяжелом положении студенчества академии виновато лишь правительство, мы требуем протеста, и протест этот предлагаем выразить однодневной забастовкой во всех высших учебных заведениях г. Томска»⁷⁴. 19 марта 1913 г. забастовку провели студенты 1 и 2 курсов Томского университета. В Томском технологическом институте занятия состоялись, но на них присутствовало всего около 300 человек. К студентам присоединились слушательницы Сибирских высших женских курсов. Они демонстративно прервали занятия, выразив таким образом свой протест против закрытия академии⁷⁵. Забастовка вузовской молодежи Томска в марте 1913 г. существенно отличалась от забастовок конца 1910 – начала 1911 гг. не только своей непродолжительностью, но и отсутствием каких-либо проявлений радикальных форм борьбы. Слабая немногочисленная группа академистов не могла ничего противопоставить забастовщикам. Стачка 1913 г., как и забастовки 1910 – 1911 гг., была вызвана не местными причинами, а являлась выражением общестуденческой солидарности, что говорило об ее политическом звучании.

Помимо проведения забастовки, протест вузовской молодежи Томска в 1913 г. проявлялся в форме бойкота тех или иных официальных мероприятий. Так, в феврале 1913 г. в Томском университете были распространены воззвания с призывом бойкотировать юбилейные торжества по случаю 300-летия Дома Романовых. По данным полицейской агентуры, одно из этих воззваний было выпущено по инициативе так называемой группы «прогрес-

сивных студентов» во главе с В. Попеляевым, Б. Арбузовым, Н. Кузьминым и С. Глуzmanом, а второе – нарождавшимся в университете студенческим кружком социалистов-революционеров⁷⁶. В эсеровской прокламации содержалась критика деятельности всех царей из династии Романовых и утверждалось: «Русскому народу нечего ждать хорошего от Романовых, как и вообще от всяких царей. Только свергнув царизм и взяв управление страной в свои собственные руки, народ может найти выход из своего бесправного и нищенского состояния»⁷⁷. Несмотря на призывы к свержению самодержавия, студенческая эсеровская группа не проявила себя никакими радикальными действиями, что вполне соответствовало общему усилению легалистских настроений среди эсеров Сибири.

Осенью 1913 г. в Томске вновь имели место проявления студенческого протеста. В перехваченном полицией письме одной из слушательниц Сибирских высших женских курсов отмечалось: «20 октября здесь (то есть в Томске. – О. И.) устраивается традиционная забастовка, да еще тут пристало дело Бейлиса – студенты будут бастовать, курсам же заявили, что в случае однодневной забастовки курсы сейчас же будут закрыты... Но, несмотря на это, у нас девицы волнуются. Была на курсах сходка... 22 октября будет юбилей университету... На этом юбилее... студентам запрещено что-либо говорить... Теперь студенты этим возмущены и объявляют бойкот – обращаются к нам с просьбой не присутствовать на этом»⁷⁸. В итоге студенты действительно отказались участвовать в торжествах по случаю 25-летия Томского университета, обвинив профессоров в том, что они «уклонились от принципов освободительного движения». Местное учебное начальство вынуждено было празднование отменить⁷⁹. 7 ноября 1913 г. студенты университета отметили годовщину со дня смерти Л.Н. Толстого частичной забастовкой и пением в аудиториях «Вечной памяти», что тоже было запрещено учебной администрацией⁸⁰.

Таким образом, к 1914 г. в студенческом движении вновь становятся заметны признаки определенной активизации, хотя и не столь очевидные как в 1910-1911 гг. Дальнейшее изменение форм участия вузовской молодежи в общественной жизни края будет связано с начавшейся первой мировой войной.

⁷³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2513. Л. 548-549; Ф. 102. Оп. 1. Д. 529. Л. 85.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1913. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 5.

⁷⁵ Толочко А.П. Указ. соч. С. 76; РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 200. Л. 18, 23; ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1913. Д. 59. Ч. 81. Л. 2, 4.

⁷⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2536. Л. 366.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1295. Л. 18.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1913. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 16.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 177.

⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 471. Л. 1, 10-12.